

РОЛЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ В КОНЦЕПЦИИ М. ВАРТОФСКОГО

Главной целью данной статьи является проделанный М. Вартофским анализ понятия репрезентации, в частности анализ природы и роли моделей в естественных науках, в теориях восприятия и познания. Свою концепцию М. Вартофский называет исторической эпистемологией, которая основана на эволюции способов познания в связи с изменением форм социальной и технологической практики.

Ключевые слова: историческая эпистемология, репрезентация, восприятие, артефакты, модели, референция.

Понятие репрезентации является одним из наиболее сложных и спорных понятий теории познания. В современной эпистемологии под репрезентацией подразумевают посредников между объектом и субъектом познания, которые выступают в виде моделей, знаков, символов. Главной чертой человеческого познания является не только изучение природы и социальной действительности, но также передача и сохранение полученных знаний и социокультурного наследия. Здесь и проявляется потребность в репрезентации – либо через создание и использование внешних средств репрезентации, а именно символических систем в языке, науке и искусстве, либо через понимание таких средств и перевод во внутреннюю духовную жизнь способов когнитивной практики. Значительная часть истории философии также была связана с обсуждением этих проблем.

В качестве репрезентаций главным образом выступают естественные и искусственные языки, хотя в качестве репрезентации может выступать любой объект, символ, рисунок. Выбор и создание репрезентации определяется самим субъектом познания. В то же время на определенном этапе репрезентации могут трансформировать наше восприятие, в зависимости от того, какие образцы репрезентаций предписываются нам культурой. По мнению Л.А. Микешиной, «формообразование восприятия и опосредующих его репрезентаций – это и есть первый и важнейший акт процесса образования, который в свою очередь оказывает влияние на само содержание образования, поскольку изменяет способ видения действительности и принципы ее интерпретации» [6, с. 95].

Свою концепцию репрезентации предлагает американский философ М. Вартофский, ко-

торый развивает ее в рамках исторической эпистемологии, которая основана на принципах моделирования и исторического подхода к истине, как на уровне индивида, так и на уровне социума. В процессе познания эпистемология должна учитывать то, что способы познания меняются в связи с изменением форм социальной и технологической практики.

Вартофский обрушивается с критикой на ошибочное понимание репрезентации с позиций теории отражения, основанной на реалистической онтологии и эпистемологии, а также с позиции корреспондентской теории истины и оптической теории познания. Значительная часть его работы «Модели. Репрезентация и научное понимание» связана с обсуждением этих проблем.

Свое рассмотрение данных проблем М. Вартофский начинает с анализа проблемы восприятия в классическом познании. Человеческое восприятие изучается как свойство человеческого рода, т. е. как биологическая способность человеческого вида. Воспринимается же восприятие человека как нечто неизменное. Так, например, знание рассматривается как растущее и изменяющееся, оно проходит эмпирическую проверку при помощи восприятия, которое рассматривается как нечто неизменное и универсальное. Вартофский согласен с универсальным свойством восприятия как познавательной способности, однако настаивает на том, что восприятие, в свою очередь, подвержено историческим изменениям под влиянием практики. Изменяясь, таким образом, восприятие изменяет и действительность. Вопросами изучения такого изменения перцепции должна заниматься историческая эпистемология, за основу которой Вартофский предлагает принять следующие положения:

1) восприятие есть высокоразвитый специфический способ человеческой деятельности, а взгляд на восприятие как на биологическое или психологическое явление неадекватен;

2) специфическим свойством восприятия как способа деятельности является его опосредованность репрезентацией;

3) своими связями с историческими изменениями в других видах человеческой практики, в частности в общественной и технологической практике, восприятие обязано вариативности форм репрезентации.

Для обоснования положения о роли репрезентации в опосредовании восприятия Вартофский пользуется термином «воображение», соотнося его с моделированием.

В большинстве классических теорий восприятия (рационалистических, эмпирических) перцепция рассматривается как результат биологического развития особого свойства человека, которое принадлежит только ему. Вартофский принимает частично это допущение, но с оговоркой, что восприятие начинается только тогда, когда закончена биологическая эволюция нашей сенсорной системы. Таким образом, восприятие мыслится им как способность исторически сложившаяся и основанная на развитии исторической человеческой практики.

Причину ограниченного рассмотрения восприятия философ видит в том, что модель восприятия пытались создать на основе оптики и ассоцианистской логики. Теория зрительного восприятия подменяется в них теорией геометрической оптики, т. е. теорией прохождения, отражения и преломления света. С Вартофским соглашается и Х.Й. Зандкюлер, полагая, что такое «понимание восприятия с позиции теории отражения, основанной на реалистической онтологии и метафизике субстанции, на реалистической эпистемологии и корреспондентской теории истины, и ведет к кризису репрезентации» [4, с. 83].

Непродуктивность этого подхода показала современная сенсорная физиология зрения, полагая, что редукция перцептивной модели к ограничениям модели физиологической приводит к смешению двух отличных друг от друга уровней активности. Подобным же образом ассоцианистская логика традиционной эмпиристской эпистемологии не адекватна иерархической организации и взаимодействию сенсорной и

перцептивной систем. Неспособность признать историческую ограниченность той или иной теории и модели восприятия связана с внеисторической трактовкой в таких внеисторических теориях.

Современные эмпиристские и сенсуалистские теории восприятия рассматривают перцептивную «деятельность» как «внутренний процесс». При этом «деятельность» характеризуется как проходящая «в мозге» или «в мышлении», и поэтому ее резко отграничивают от внешней деятельности, обычно представленной различными моторными актами (включая речь). Только последние считаются «подлинными» актами вмешательства в мир природы, в то время как сфера действия перцептивных актов ограничена внутренним миром.

Вартофский полагает, что реальность существует независимо от восприятия, в то же время она воспринимается нами посредством их репрезентации. Репрезентации выступают в роли опосредующих «реалий», перцептивных артефактов, которые мы не воспринимаем, но посредством которых мы воспринимаем реальные объекты и процессы. Сходную позицию занимает В.А. Лекторской, который полагает, что «предметы познания создаются, конструируются в деятельности с предметами-посредниками» [5, с.48]. Таким образом, восприятие оказывается не просто внутренней деятельностью, направленной на некую «мыслительную» или «перцептивную» реалию, находящуюся «в сознании» или «в мозгу», а само является опосредованной формой внешней практической деятельности, составляющей единое целое с другими ее формами.

Вартофский формулирует идею о том, что у человека формы перцептивной деятельности не связаны только с одним лишь биологическим механизмом, развившимся в ходе эволюции вида. Скорее сами формы перцептивной деятельности подстраиваются к окружающей среде и одновременно помогают формировать среду, творимую сознательной человеческой деятельностью. Окружающая среда – это мир, созданный человеческой практикой, это природа, трансформированная в артефакт, в котором воплощены человеческие намерения и потребности. Но за этим и сверх этого сама перцептивная деятельность также подстраивается к новому «миру», а именно к миру когнитивного

созидания, воплощенному в наших репрезентациях. Таким образом, восприятие опосредовано не только биологически развившимися видовыми механизмами, но и исторически меняющимся «миром», творимым практической и теоретической деятельностью человека.

В то же время восприятие не есть деятельность перцептивной системы или какого-нибудь специфического сенсорного органа, перцепция есть деятельность всего организма. Воспринимает не орган, а весь организм посредством того или иного органа.

Другой важный аспект состоит в том, что восприятие не есть «созерцание» как безразличное, пассивное «смотрение». Классические теории восприятия превратили абстрактную геометрию восприятия в теорию самой перцептивной деятельности, подменив, таким образом, теорию восприятия теорией формирования образа. Действительно, полагает Вартофский, мы воспринимаем посредством образов. Однако это не те образы, которые формируются у нас в ходе перцептивной деятельности. Вартофский рассматривает образы как репрезентации, создаваемые как своего рода «орудия» восприятия. Репрезентация есть не простой рефлекс и не простой результат каузального внешнего стимула. Это переработанный ответ, настроенный на определенную цель. Вместе с тем понятие «внутренней репрезентации», то есть внутреннего картирования, включающее в себя селективную проработку, или создание образа внешнего объекта или ситуации, есть понятие зависимое.

Различные современные теории восприятия основаны на различных современных моделях репрезентации, в том числе математических и физических; кроме того, в масштабах, значительно больших, чем обычно считается, они могут основываться на формах репрезентации, существующих в искусстве. Поэтому метатеория исторической эпистемологии должна включать в себя критический анализ теорий восприятия и историю их эволюции в процессе взаимосвязи этих теорий с теоретическими изменениями в науке и изменениями стилей в искусстве.

Вартофский выделяет два подхода исторической вариативности восприятия: генетический и рефлексивный. В генетическом подходе анализ генезиса восприятия происходит в видовом, или биолого-эволюционном смысле. Этот подход Вартофский считает ограничен-

ном, т. к. может в лучшем случае вскрыть необходимые, но не универсальные условия исторического развития. Историческая теория восприятия должна начинаться с генезиса человеческой перцептивной деятельности в отличие от восприятия у животных в рамках самой исторической практики. Поэтому она должна начинаться там, где останавливаются эволюционные и нейрофизиологические исследования восприятия, и принять конечную остановку биологической эволюции, или филогенеза, перцептивного механизма не более как за предпосылку исторического развития перцепции.

«Историческая человеческая практика» – это основополагающая деятельность по производству и воспроизводству условий существования или выживания вида за счет создания артефактов. В отличие от животных выживание людей начинается с преобразования какой-то части окружающей среды в продолжение его животных органов (т. е. в орудия труда). Таким «орудием» можно представить любой артефакт, созданный с целью производства и воспроизводства средств к существованию. Язык как средство общения, таким образом, можно тоже смело назвать артефактом. Принципиальным свойством человеческого артефакта является то, что его производство и употребление передаются от поколения к поколению, сохраняясь в течение длительного времени. Символическая передача подобных навыков в производстве, воспроизводстве и употреблении артефактов, т. е. обучение навыкам и умениям, – отличительная черта человеческой деятельности. Именно эта способность представлять деятельность при помощи символов порождает особый класс артефактов, которые можно назвать репрезентациями.

Восприятие, согласно Вартофскому, связано с историческими формами деятельности, а именно рефлексивными. Здесь репрезентации представляют собой символическое объективирование этих форм и поэтому понимаются как их образы. Репрезентации – это особые артефакты, создаваемые с целью сохранения и передачи навыков и умений в производстве и употреблении «первичных» артефактов (орудий труда, форм социальной организации). Такие репрезентации включают в себя жесты, язык, музыку. Такие репрезентации Вартофский называет «вторичными». Эти «репрезентации» сохраняют и передают форму деятельности, т. е.

«репрезентируют» ее. Более того, подобные репрезентации являются фактически физическими или перцептивными воплощениями форм деятельности, или практики (например, «прототипы» орудий труда, визуальные сигналы или метки, ритуалы охоты, танцы). Таким образом, «вторичные» репрезентации имитируют и репрезентируют способы деятельности, или практики. Поэтому важную роль в репрезентации приобретает конвенциональная сторона, а понятие «естественного сходства» становится слишком слабым, чтобы охватить всю имитационную сферу. Вместе с тем такие репрезентации, как «вторичные артефакты», не находятся «в мозгу» как «реалии сознания». Они представлены в виде преобразованных природных материалов, телодвижений, социальных форм организации деятельности. Они суть внешне воплощенные репрезентации.

В соответствии с классификацией репрезентаций Вартофский дает следующую классификацию артефактов: первичные артефакты – это артефакты, применяемые в данном производстве непосредственно. Вторичные артефакты – это артефакты, используемые для сохранения и передачи приобретенных навыков или форм деятельности. Поэтому вторичные артефакты – это репрезентация таких форм деятельности. Они имитируют не просто объекты окружающей среды, а объекты при воздействии на них человека, т. е. они имитируют формы операций или действий с этими объектами. Поэтому каноны репрезентации обладают большой степенью конвенциональности, соответствующей эволюции различных форм деятельности, или практики, и, таким образом, не могут быть сведены к какому-то упрощенному понятию «естественной» схожести. В ходе этого процесса благодаря посреднической роли репрезентаций природа становится миром-для-нас.

Восприятие происходит специфически человеческим образом именно в контексте социальной практики человечества. Средствами этой практики являются артефакты и навыки их использования, отличающие практику человека от поведения животного. Прежде всего это орудия труда и совокупность различных форм знакового общения, или «языков» общения. Артефакты предстают как объективирование человеческих потребностей, как средство достижения определенной цели. Таким образом, в ос-

нове производства и воспроизводства орудий труда лежит интенциональность. Заслуга Вартофского состоит в том, что он приходит к выводу, что репрезентации сами начинают производить определенное целеполагание. Именно в репрезентациях сохраняется социокультурная память культурной эволюции, в ходе которой адаптивные изменения получают социальную форму. Для Вартофского, таким образом, «артефакт является тем же, чем ген является для биологической эволюции» [3, с. 203].

Для людей преобразование – это всегда преобразование посредством артефактов. Но именно производство и воспроизводство артефактов представляет нам рукотворный мир как символ сущего и как репрезентацию самих форм практики. Преобразование природы происходит прямо – через практику; природа преобразуется и как объект, или поле деятельности, когда леса, реки и т. д. сами становятся в определенном смысле «артефактами». Они антропоморфизируются посредством репрезентации как путей их использования, так и форм практики, свойственных этим путям.

Однако между этим взаимозависимым отношением репрезентации и практики может возникнуть третий мир, который будет включать в себя обоих участников этого отношений. Для обозначения этих явления Вартофский вводит понятие «автономный контур». В качестве примера можно привести воспроизведение в памяти сцен охоты. С одной стороны – это не охота, т. к. зверей не убивают. В этом смысле репетиция перед «настоящей» охотой находится в «автономном контуре» и вне главного контура. Хотя репетиция обладает неким сходством с охотой, в то же время здесь помимо чисто практических интересов присутствуют различные ценности и потребности, которые к охоте могут и не иметь отношения. Так «автономные» репрезентации превращаются в средство выражения более широкого набора когнитивных и эмоциональных потребностей и ценностей. Здесь правила, конвенции и результаты деятельности перестают быть непосредственно «практическими». Здесь-то и возникают возможности для так называемого «незаинтересованного», «эстетического» восприятия или для «чистого» созерцания; однако это не означает, что у репрезентации нет никакого практического аспекта. Скорее имеется в виду,

что ее первоначальная роль, так сказать, выносится за скобки.

Вартофский называет подобные артефакты, абстрагированные от их непосредственной функции репрезентации, «третичными». По его мнению, они составляют особую область, для которой характерна свобода воображения в разработке правил и операций, отличных от реального мира.

Однако связь между «третьим» миром и реальной практикой есть. Этот мир выступает в качестве вариантов потенциальных изменений в данной форме самой практики. Вартофский рассматривает эти миры как воплощение альтернативных канонов репрезентации в реальных артефактах, выражающих или отображающих эту альтернативную перцептивную форму.

Отсюда следует, что активность воображения есть форма альтернативной перцептивной практики, находящаяся в «автономном» контуре только применительно к исторически данной или доминирующей современной форме перцептивной практики. Воображение является производным от обычного восприятия и способствует его развитию и насыщению информацией. Вартофский считает, что восприятие – это не начальная стадия человеческой деятельности; оно само есть деятельность, которая связана со всеми другими способами производительной практики.

Задачу исторической эпистемологии Вартофский видит в том, чтобы изучать не только механизмы изменения перцептивных форм, но и историю этих изменений. Такая история человеческого восприятия основывается на изучении логики и процесса перцептивной деятельности, на физиологии восприятия и на экспериментальных исследованиях восприятия. Кроме того, истории восприятия требуется изучение исторических изменений в социальной практике и в «мире» артефактов и форм репрезентации, связанных с перцептивными изменениями. В этом смысле родственным контекстом является история техники, науки и искусства, как и социальная и познавательная история человеческой практики, включающая в себя контексты верований, идеологий, мировоззрений, систем ценностей, – короче говоря, история того общественного мира человека, в котором рождается и функционирует восприятие.

Другой проблемой, тесно связанной с репрезентацией, является проблема моделирования. М. Вартофский одним из первых в мировой философской литературе вводит фундаментальное понятие «модельного отношения», т. е. отношения, в которое вступают моделируемое и моделирующее. Это позволило Вартофскому создать фундаментальную концепцию моделируемого.

Понятие «модели» прочно вошло в нашу повседневную практику. В связи с этим происходит ошибочное понимание модели, суть которого состоит «в быстром увеличении числа «странных» и не связанных между собой сущностей, которые называют моделями». Термин «модель» используется для обозначения чрезвычайно широкого класса явлений: механических демонстрационных конструкций, теоретических конструкторов физики и психологии.

Главная проблема с моделями состоит в определении их четкого онтологического и гносеологического статуса. Вартофский пишет: «С одной стороны, их не считают «полноценными гражданами» мира реальных объектов и процессов; в лучшем случае их рассматривают только как «граждан второго сорта» благодаря их соотносительности с реальным миром. С другой стороны, им отказывают в полном равноправии с истинами когнитивного мира, отводя им функцию инструментов познания и считая их только «подпорками знания», «помощниками воображения», «средствами вывода» «эвристическими устройствами», «структурами для упорядочивания данных»» [3, с. 30].

Выход Вартофский видит в том, чтобы признать, что модели существуют и даже все что угодно может быть моделью всего чего угодно! Отбор моделей происходит на основе определения релевантных свойств, которые связывают модель и моделируемое. При этом в дело должна вступить наша собственная познавательная деятельность, в ходе которой один объект отбирается для репрезентации другого, причем происходит это с учетом ограничений относительно того, что может быть превращено в модель, а что нет.

Другими словами, в модели проявляются лишь те свойства моделируемого объекта, которые интересны субъекту, а степени приближения модели к оригиналу не имеет значения. Таким образом, модель и моделируемое не мо-

гут быть тождественны, они разные по объему, т. к. моделируемое больше по объему, чем модель. Избегая крайностей реализма, Вартофский считает, что репрезентация не есть простое копирование.

Таким образом, модельное отношение представляет собой триаду: $M(S, x, y)$, т. е. субъект S рассматривает x как модель y . Асимметрия модельного отношения проистекает в зависимости от потребностей субъекта. Модели, как и репрезентации, не могут обладать всеми свойствами моделируемого, в противном же случае модели и моделируемое были бы тождественны.

Модель может иметь много других свойств, которые не будут совпадать со свойствами объекта моделирования. При этом действует установка, что модели обладают не познанными нами свойствами, которые мы и пытаемся познать.

Модель является абстракцией, которая референтна с объектом. Но при обнаружении у модели свойств, которых нет у ее объекта, релевантность модели сужается. Так, например, М. Хессе описывает «отрицательную аналогию» как накладываемое на модель ограничение: «Модель представляет собой фактуальное описание, если она демонстрирует позитивную аналогию и не демонстрирует отрицательной аналогии применительно ко всем подвергнутым проверке свойствам и если у нее имеется принципиально проверяемое избыточное содержание» [1, р. 27]. По содержанию модель должна быть беднее объекта. Таким образом, Вартофский устанавливает следующее отношение: $M(S, x, y) \& R(x) < R(y)$, где $R(x)$ и $R(y)$ – области релевантных свойств или степени богатства релевантными свойствами.

Как мы убедились, Вартофский является сторонником репрезентационистского подхода к моделям, причем «репрезентация» понимается как любое отображение структур на структуры или свойств на свойства. Главным признаком репрезентации является референция. Согласно Вартофскому, «картина» может «походить» на объект или «выглядеть» как объект в самых разных смыслах, начиная с простейшего случая последовательного отображения контуров карты и кончая случаем «представителя» нации, который может отображать, «репрезентировать» ее – своими взглядами, предпочтениями, поведением и т. д., если же такое ото-

бражение отсутствует, он не может считаться подлинным ее «представителем» [3, с. 30].

Референция, по Вартофскому, это соотношение с чем-то реальным, лежащим вне изображения и репрезентации. Таким образом, модельные отношения характерны не только для сложных репрезентаций, таких как научные теории, но и для языковых высказываний, т. к. они являются репрезентацией определенного состояния дел.

Различие между индивидуальными высказываниями и научными теориями лишь в масштабах и способах осуществления этой функции. На такой основе можно говорить о континууме от мельчайших лингвистических выражений до грандиозных теоретических научных конструкций.

Итак, полагает Вартофский, мы начинаем создавать модели с наших первых мимических актов и с первого опыта языкового общения и продолжаем создавать их посредством использования того, что, опираясь на разные основания, называют аналогиями, метафорами, гипотезами, теориями. Моделирование предполагает референцию с объектом моделирования, а референция предполагает наличие утверждений об истинности или ложности. Вартофский полагает, что модели, теории, аналогии – все они – «особи» одного рода, а именно – «репрезентации».

Модели – это преднамеренно создаваемые конструкции, артефакты, и они представляют «способы», посредством которых мы познаем существование реальных объектов, лишь «подпорки для воображения», «вычислительные устройства». Вартофский производит рассмотрение сфер использования моделей. Он располагает их в иерархическом порядке, начиная с тех, экзистенциальные утверждения которых наименее слабы, и кончая теми, в которых они наиболее сильны.

1. Ad hoc аналогии. Это модели, фиксирующие очевидные, но изолированные сходства между репрезентируемым и репрезентирующим. Так, например, государство рассматривают по аналогии с живым организмом, который имеет свою голову, глаза, уши, руки, ноги, сердце. Эти простейшие аналогии помогают сформировать соответствующую концептуальную картину. Некоторые свойства моделей-аналогов рассматриваются как сходные с некоторы-

ми свойствами того, аналогами чего они являются; это удобно использовать для концептуальных целей отображения.

2. Формальные репрезентации, ограниченные областью эксперимента. Они представляют собой не более чем упорядочивание или их краткое описание необходимых данных. Все, что выходит за рамки эксперимента, признается несущественным для данной модели. В то же время они претендуют на отображение закономерностей и свойств объектов. В силу этого их можно рассматривать как гипотезы. Однако они весьма ограничены, поскольку их «сущностями» являются только данные, причем интерпретация данных происходит вне этих моделей. Г. Саймон, один из главных создателей математических моделей в социальных науках, в своем труде «Модели человека» писал: «Мы построили здесь математическую модель, переводящую с допустимой точностью на язык математики некоторые положения Хоманса о поведении людей в группах». И далее: «Все те понятия, которые надо определить, относятся к модели, т. е. к системе уравнений, а не к «реальному» миру, который, как предполагается, эта модель описывает» [2, р. 32]. Однако эти модели соотносятся не с реальным «миром», а только с теми непосредственными явлениями, из которых состоят события в эксперименте. Короче говоря, такие модели рассматривают только «лабораторные сущности», которые описываются и объясняются с помощью математики.

3. Модели как вычислительные устройства или механизмы для вывода. В этом случае модели служат для выведения следствий из теорий и, таким образом, выполняют вспомогательную функцию, способствуя обеспечению проверки теорий. Модель служит только средством проверки полученных в рамках теории данных с экспериментально проверяемыми следствиями. Они используются для практических целей.

4. «Как будто» конструкции. В этом значении модели носят психологический характер и рассматриваются с позиций их методологической полезности для построения научных теорий. Они выполняют эвристическую функцию изображения объектов сложных теоретических областей и поиска направлений для научного мышления. Эти модели подобны *ad hoc* аналогиям, однако они обладают большей система-

тичностью и широкомасштабностью. «Как будто» модели, тем не менее, остаются все же лишь абстрактными моделями, вместе с тем предполагают при дальнейшем развитии науки свою «конкретизацию».

5. Следующим классом являются модели, претендующие на опытное познание действительности. Это аппроксимативные репрезентации, считающиеся «истинными» для ограниченной или выделенной области фактов, про которые не известно, что они ложны при расширении этих областей. В соответствии с этим модель можно по мере накопления фактов подвергать резким модификациям и усовершенствованиям, постепенно приближаясь к «истинной модели». Условием их значимости является их опровержимость или фальсифицируемость.

6. В следующую группу Вартофский объединяет модели с сильными экзистенциальными притязаниями, выходящими за рамки опытной проверки и находящимися на грани рациональной веры. Такие модели претендуют на истинное описание состояния дел или, как говорит Дж. Кемени, на «подразумеваемое фактически истинным описание». Эти модели выступают как универсальные утверждения, не имеющие границ их применения и не требующие никакой аппроксимации.

Так или иначе, в науке имеется достаточно моделей, обладающих абсолютной познавательной убежденностью, причем содержащиеся в них экзистенциальные утверждения не выглядят сомнительными или маргинальными.

Модель есть сознательная метафизическая ориентация, заключающаяся не в общефилософских претензиях метафизики, а в ее попытках сделать вещи доступными для общего понимания, которое необходимо науке.

Во всех них – от самой слабой до наиболее сильной, от частных и инструментальных моделей до моделей с наиболее явно выраженной абсолютной познавательной ориентацией – каждая такая модель дает нам так или иначе возможность понять, моделью чего она является. Делается это с помощью качественных аналогий, изоморфизма, вычисления или вывода или с помощью гипотетических конструктов.

В статье «Цель и техника: модели как способы действия» Вартофский развивает идею, согласно которой человечество с помощью моделей может нащупать «прообразы тех масшта-

ных структур», которые могут возникнуть в будущем. Таким образом, как мы видим, Вартофский считает, что человек создает будущее в настоящем и делает это при помощи моделей, которые выступают в роли мостов, соединяющих два берега реки.

С этой позиции модели становятся прототипами, планами, гипотезами, которые ведут нас вперед. Вартофский полагает, что «модели – это высоко специализированные части нашего технического оснащения, специфические функции которых состоят в созидании будущего» [3, с.124]. При этом надо избегать сравнения моделей с чем-то уже существующим, так как модели представляют способ действия, который представляет эту сущность. В этом смысле модели – это и воплощения целей, и в то же время инструменты осуществления этих целей.

Вартофский приходит к мысли, что модель нормативна и целенаправленна. Он пишет: «она нормативна в силу того, что выбрана с тем, чтобы представлять лишь отдельные черты вещи, которую мы моделируем; конечно, не все ее черты, но именно те, которые наиболее важны, значимы или ценны. В то же время модель целенаправленна, поскольку ее значение и ценность могут существовать лишь в отношении некоторой цели, реализации которой служит модель» [3, с. 126].

Модель есть создание чего-то, действующего в направлении будущего, но в настоящем еще не реализованного. Модельное действие выступает в качестве нормативного, оно носит императивный характер. Таким образом, модельное действие выступает как призыв к действию. Вартофский перефразирует категорический императив Канта, полагая, что «модель функционирует таким образом, что она используется для формулирования своей цели и определения способа действий по достижению такой цели» [3, с. 126].

Акцентировка на способе действия, который модель представляет, означает, что способ действия соотносится с видимой целью. Таким образом, это соотношение имеет две стороны: с одной стороны, модель – воплощение идеи, а с другой – она в динамическом аспекте является средством реализации цели. Модель одновременно учитывает цель и гарантирует ее реализацию.

Вартофский полагает, что модели будущего удастся смоделировать на основе модели на-

стоящего, хотя оно является всего лишь идеальным образом. Однако необходимо помнить, что идеал намного совершеннее по сравнению с моделью, и мы стремимся его достичь через изучение модели. На основе модели можно радикально и революционно изменить настоящее, т. е. модели представляют собой «действия, которые формируются под влиянием эпохи и ее сознания; они помогают освободить энергию и возможности воображения и духа, вывести их за пределы той информации, которая лежит в основе моделей». Так Вартофский наделяет модель творческим характером.

Таким образом, модель генерирует творческое действие, т. е. «модель» выступает как деятельность по реализации человеческой творческой цели. В этом смысле творческая модель – не просто обычный пример творчества относительно тех или иных созданий или объектов. Применение слова «творческая» означает стимуляцию творчества людей, освобождает их энергию от текущих обязанностей, содействует радикальному преобразованию настоящего.

Такая трактовка модели с необходимостью предполагает критику настоящего, а не простое изображение будущего. Следовательно, такого рода модели одновременно дают и изображение будущего, и творят его, но не по принципу «немного больше, но того же самого» и не как простое перенесение настоящего в отдаленное будущее. Созданное таким образом будущее разрушает настоящее, сохраняя только те его элементы, которые несут в себе ростки будущего и предполагают коренные изменения в настоящем.

Идеальная модель выступает в роли нормативной модели, т. е. моделью, прогнозирующей то, что должно быть. Кроме этого, по мысли Вартофского, в науке существует необходимость в революционных моделях, с помощью которых познание выходит за пределы фиксированных норм, придавая познанию творческий характер и критический настрой по отношению к существующим знаниям. Такая модель может быть воплощена в различных формах, которые будут представлять собой сложное объединение цели и техники, содержать четкую проекцию целей и выбора средств.

Таким образом, М. Вартофский приходит к выводу, что модель – это не просто способ выработки гипотез или упорядочения точек зрения для анализа альтернатив. Функция моде-

ли состоит в том, чтобы «не только предварять действие, но и предпринимать его, или – сформулируем это иначе – предварять действие – значит в некоторой мере предпринимать его» [3, с.132].

В заключение можно сказать, что модели, по Вартофскому, представляют собой нечто большее, чем абстрактные идеи. Они – технологические средства для концептуального исследования, приводящего к экспериментированию. В свою очередь эксперимент есть нечто

такое, что должно быть осуществлено с определенной целью, а не просто задумано. В этом смысле модели – это экспериментальные зонды, важная часть техники, созданной человечеством для сознательной встречи с будущим, но не пассивного его восприятия как чего-то уже сформировавшегося. Таким образом, модель – это редкая возможность, предоставленная человеку для творческого созидания будущего. Таким образом, модели представляют собой специфические технологии достижения целей.

Список использованной литературы:

1. Hesse M. Forces and Fields. London, 1961.
2. Simon H. Models of Man. New York, 1957.
3. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988.
4. Зандкюлер Х.Й. Репрезентация или Как реальность может быть понята философски // Вопросы философии. – 2002. – №9.
5. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. – М.: Наука. 1980.
6. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. Пособие – М.: Прогресс-Традиция, 2005.
7. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия. 2007.

Musin D.Z.

Role of representation in the process of perception at the conception of M. Vartofsky

The main aim of this article is analysis of the concept of representation produced by M. Vartofsky, in particular the analysis of nature and models' role in natural sciences, in theories of perception and cognition. M. Vartofsky names his conception as historical epistemology which based on evolution of cognition methods in connection with changes of forms of social and technological practice.

Key words: historical epistemology, representation, perception, artifacts, models, reference.

Сведения об авторе: Мусин Дамир Зуфарович, аспирант кафедры социальная философия Оренбургского государственного университета. 460018, Оренбург, пр-т Победы, 13, тел.: (3532) 372583, (35333)50288, 89226277703